

Курильницы сарматской эпохи из раскопок некрополя Танаиса I – середины III вв. н.э.

Л.О. Базилевич

ludmila.basilevich@gmail.com

ФГБУК «Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник»

Аннотация

Рассмотрение ритуальных сосудов – курильниц – позволяет осветить взаимоотношения оседлого и кочевого населения в Нижнем Подонье. Особенно интересна роль этих сосудов в погребальном обряде, анализ которого дает возможность понять их значение в религиозной сфере жизни и возможность интерпретации в качестве показателя этнокультурного компонента сарматской общности. Находки курильниц в Танаисе позволяют говорить, что ритуальные традиции кочевников становятся неотъемлемой частью погребального культа античного населения Северного Причерноморья и Нижнего Подонья.

Ключевые слова:

сарматская культура, регион Нижнего Подонья, погребальный обряд,
курильницы, индикаторы этно-культурной общности

Исследования Танаиса позволяют рассматривать тесное соприкосновение и слияние культурных и культовых основ нескольких народов в регионе Северного Причерноморья – как одного из центров греческой колонизации. Он интересен, как точка пересечения трех этнических общностей: сарматской, греческой и меотской¹. Тема сарматского компонента в составе населения древнего Танаиса в I – первой половине III вв. н.э. – одна из ключевых для понимания социальной организации города. В данном вопросе важную роль играют определенные «маркеры» – предметы, свидетельствующие о присутствии в регионе носителей той или иной культуры. Говорить о единовременном существовании в городе представителей античного и кочевого мира мы можем, в том

числе, на примере ритуальных сосудов для благовоний курильниц, которые являются этнокультурным индикатором сарматской общности². Причем, особенно интересно проследить их наличие на некрополе Танаиса, в захоронениях, где, в контексте погребального обряда, наиболее полно раскрывается роль этих сосудов в религиозной сфере жизни городского общества.

Курильницы, как отдельная категория археологического материала, наиболее подробно разбирались в трудах М.Г. Мошковой, рассматривавшей курильницы прохоровской эпохи³, и К.Ф. Смирнова⁴, разработавшего их подробную классификацию и считавшего курильницы доказательством этнической принадлежности погребений. А.С. Скрипкин писал

¹ Безуглов, Гугуев 1988, 19–20.

² Смирнов 1974, 166; Гугуев и др. 2007, 433.

³ Мошкова 1963.

⁴ Смирнов 1974.

о парных сарматских курильницах, как о наиболее информативных в контексте хронологии сарматской культуры⁵. В.Е. Максименко выделял закономерности расселения разных племен номадов на право- и левобережье р. Дон и акцентировал внимание на наиболее распространенных формах курильниц для Нижнего Подонья⁶. А.А. Глухов разработал типологию курильниц на основе их морфологии⁷. В.П. Глебов уделил им особое внимание, исследуя хронологию сарматских курьтурно-исторических общностей⁸.

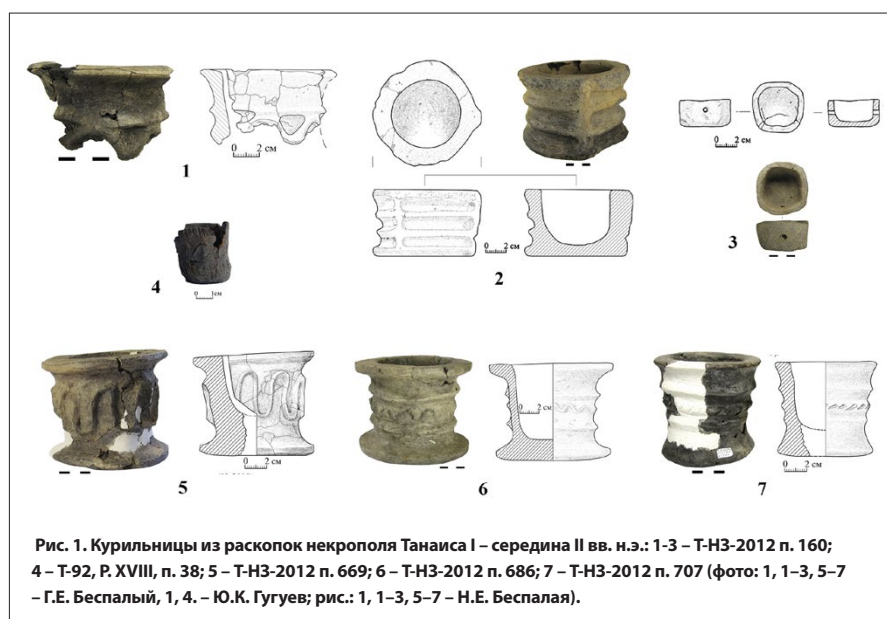

Рис. 1. Курильницы из раскопок некрополя Танаиса I – середина II вв. н.э.: 1–3 – Т-НЗ-2012 п. 160; 4 – Т-92, Р. XVIII, п. 38; 5 – Т-НЗ-2012 п. 669; 6 – Т-НЗ-2012 п. 686; 7 – Т-НЗ-2012 п. 707 (фото: 1, 1–3, 5–7 – Г.Е. Беспалый, 1, 4. – Ю.К. Гугуев; рис.: 1, 1–3, 5–7 – Н.Е. Беспалая).

Сопоставление находок сарматских курильниц Танаиса с его социальной структурой уже проводилось⁹, и новые данные, полученные, благодаря систематическим раскопкам в Танаисе, вполне соответствуют более ранним выводам¹⁰.

Наиболее распространенными в регионе Нижнего Подонья считаются баночные курильницы с двумя отверстиями в верхней трети тулова, являющиеся диагностической формой среднесарматского периода; и кубические, соответствующие позднесарматскому времени¹¹. Но в Танаисе присутствуют также иные формы курильниц: катушкообразные с рельефным орнаментом, чашечки на высоких ножках и другие, более специфические морфологические виды. Т.М. Арсеньева утверждает, что находки курильниц на территории Танаиса свидетельствуют о наличии сарматского влияния¹².

Наиболее выгодным представляется охватить в исследовании два хронологических периода: I – начало II вв. н.э.; 2 половину II–III вв. н.э. Это время расцвета среднесарматской культуры, когда в состав населения Танаиса вливаются представители кочевого населения, и в погребениях появляются индикаторы этого процесса. Во временной интервал, начинающийся со второй половины II в. н.э., попадает начало движения кочевых племен по степи и проникновение позднесарматской культуры в Танаис.

Ранний период, II–I вв. до н.э., более сложный для обсуждения, поскольку археологически прослеживается присутствие сарматского компонента в некрополе Танаиса, но, скорее, эпизодически, чем системно. Что касается курильниц, то они встречаются редко, и здесь проследить закономерности значительно сложнее.

В настоящее время мы располагаем данными о 50 целых и фрагментированных курильницах сарматского облика из некрополя Танаиса (33), курганов округи (6) и городских помещений (13). В интересующий нас хронологический период попадают 29

курильниц из раскопок грунтового и курганного некрополя Танаиса.

На рубеже эр, в I – середине II вв. н.э., после полемоновского разрушения Танаиса, начинается новый этап жизни города, отразившийся и в некрополе. В это время происходит расцвет Танаиса как торгового города. Богат и разнообразен в этот период и состав погребального инвентаря танаисского некрополя. Большинство погребений совершены в вытянутых заплечиковых ямах с широтной ориентировкой, встречаются также простые могильные ямы, но, нередко, заплечики в могильных сооружениях не сохранялись и срезаны более поздними переотложениями грунта.

К указанному периоду относятся 20 курильниц, происходящих из грунтового некрополя. Ближе к концу I – началу II вв. н.э. появляются массивные катуш-

5 Скрипкин 1990, 99.

6 Максименко 1996, 137–138, 149.

7 Глухов 2000.

8 Глебов 2009.

9 Гугуев, Базилевич 2012.

10 Автор выражает благодарность Ильашенко С.М. и Беспалому Г.Е. за возможность опубликовать материал.

11 Безуглов, Гугуев 1988, 19–20.

12 Арсеньева 1977, 122.

ковидные курильницы с наклепным рельефным орнаментом, как в женских, так и в мужских погребениях (8 ед.). Две таких встречаются в женском погребении № 160 из раскопок 2012 г.¹³ Причем, одна находилась отдельно (рис. 1, 1), а две составляли пару (внутри катушковидной находилась миниатюрная баночная) (рис. 1, 2–3).

Достаточно распространены небольшие курильницы баночной формы со сквозными отверстиями (могут быть цилиндрической или подквадратной формы, иногда с прорезным орнаментом (погребение № 38, раскопки 1992 г.) (рис. 1, 4)¹⁴. В этот же период встречаются т.н. парные курильницы – когда небольшой сосудик баночной формы находится внутри более крупного. Этот элемент обряда является маркером сарматской культуры¹⁵.

Можем вспомнить, что парные курильницы встречены и в курганном могильнике Танаиса (могильник «Царский», курган № 53, погребение № 1, 1987 г.)¹⁶ – богатое захоронение мужчины, относящееся к I – середине II вв. н.э., в котором располагались две курильницы (обе фрагментированы). Одна – крупная конической формы, вторая – миниатюрная баночная (рис. 2, 1).

Рис. 2. Парные курильницы: 1 – могильник «Царский», 1987, к. 53, п. 1; 2 – некрополь Кобякова городища, 1987, к. 10, п. 1 (фото – Гугуев Ю.К.; рис. – Прохорова, Гугуев 1992, 145, рис. 3, 10, 13).

Аналогии встречаются и в округе Танаиса – в знаменитом погребении «сарматской жрицы» в «Александровском кургане» (некрополь Кобякова городища, курган № 1, погребение № 10, 1987 г.)¹⁷. Среди богатого и разнообразного инвентаря женского погребения находились четыре курильницы (2 пары) – две из которых две были большими блоковидными, а две – миниатюрными баночными и стояли внутри больших (рис. 2, 2). Интересно, что на тулове одной из крупных курильниц располагались два наклепных вали-

ка, а вторая была орнаментирована меандром. Также и на некрополе Крепостного городища в двух погребениях I – первой половины II вв. н.э. (погребение № 9, 1972 г.¹⁸; погребение № 18, 1985 г.¹⁹) были обнаружены парные курильницы, представленные крупной цилиндрической и маленькой «стопкой». Обе маленькие курильницы стояли внутри большой, у одной из них были два сквозных отверстия в боковых стенках.

В указанный период в ряде случаев встречены погребения, относящиеся к первой половине I в. н.э., совершенные в долбленных деревянных колодах в виде лодки. Погребенные уложены, чаще всего, вытянуто, ногами к «носу» лодки, ориентированной на запад. Стоит отметить, что большинство таких погребений женские, с весьма богатым инвентарем, и в них часто встречаются курильницы (погребение № 669 (рис. 1, 5), погребение № 686 (рис. 1, 6), погребение № 707 (рис. 1, 7), раскопки Г.Е. Беспалого, 2012 г.)²⁰. Располагаются они, преимущественно, в западной части, в ногах погребенного. Среди инвентаря погребений обнаружены бронзовые перстни, бусы, стеклянные изделия, золотой погребальный венок, золотые бляшки, трилистники из золотой фольги, бусы, золотые подвески, гешировый флакон, серебряный флакон и другие предметы.

С середины II в. по середину III в. н.э. выделяется отдельный этап жизни города и, соответственно, формирования некрополя. В середине II века в Танаисе происходят большой пожар и разрушения. В это время в некрополе фиксируются разнообразные формы могильных сооружений – подбойные погребения с ориентировкой на восток, заплечиковые ямы, ориентированные в северо-восточном секторе, а также Г-образные катакомбы, появляющиеся на рубеже II–III вв. катакомбный обряд приносят сюда представители позднесарматской культуры, проникающие в этот период в социальный состав Танаиса. Все датированные позднесарматские курильницы (9 ед.) происходят из комплексов середины II–III вв. н.э. Для большинства из них характерна подквадратная форма: либо сами курильницы миниатюрные подквадратные, либо они на ножках, но вместилище, при этом, четырехугольной формы. Интересен комплекс из раскопок 1996 г. погребения № 22²¹ – женское погребение, где были встречены три курильницы – крупная коническая с рельефным острым ребром (рис. 3, 1)

13 Беспалый 2016а, 115–116; Беспалый 2016г, 151–152.

14 Арсеньева и др. 2001, 160.

15 Скрипкин 1990, 99.

16 Илюков 1988, 92–93.

17 Прохорова, Гугуев 1988, 44–45, 48; Гугуев, Прохорова 1992, 152.

18 Горбенко, Косяненко 2011, 184–185.

19 Горбенко, Косяненко 2011, 279–283.

20 Беспалый 2016б, 171–173, 184–186, 195–200; Беспалый 2016е, 173; Беспалый 2016ж, 16, 63.

21 Арсеньева, Ильяшенко 1996, 50.

и две миниатюрные кубические (рис. 3, 2–3). Возможно, две из них составляли пару, но однозначно об этом говорить нельзя, так как погребение было разрушено, костяк поврежден, и курильницы найдены не *in situ*, а в заполнении. При раскопках 2012 г. были найдены

Рис. 3. Курильницы из раскопок некрополя Танаиса II – середина III вв. н.э.: 1–3 – Т-1996, п. 22; Т-НЗ-2012 (фото – Ю.К. Гугуев; рис. – Л.О. Базилевич).

3 курильницы в катакомбах–склепах²²: погребение № 30 – конической формы с четырехугольным вместилищем (рис. 4, 1); погребение № 555 – массивная чашка на ножке (рис. 4, 2); погребение № 640 – квадратная с отверстием в боковой стенке (рис. 4, 3). Катакомбы отличаются богатым инвентарем: в них встречены шкатулки с костяными накладками, серебряные накладки, кожаная аппликация с позолотой, золотые бляшки, деревянные игрушки с золотой фольгой (погребение № 30); золотые подвески, бусины, шкатулка (погребение № 555); шкатулка и богатый набор посуды (погребение № 640).

Если обратить внимание на гендерные особенности расположения курильниц в погребениях, то можно говорить, что в большинстве случаев они встреча-

ны в детских и женских захоронениях или женщин с детьми. Такая закономерность прослеживается с рубежа эр фактически на всех памятниках и, предположительно, связана с семантикой обряда окуривания. Возможно, именно этой категории населения требо-

валась символическая защита после захоронения. Вероятнее всего, дети и женщины нуждались в особом отношении и после смерти, и курильницы являлись частью очистительного ритуала пространства погребального сооружения²³. При этом они необязательно использовались, не во всех находят остатки углей. Иногда их заменяли мелкие камешки или фрагменты мела.

В мужских погребениях подобные ритуальные сосуды встречались значительно реже, но ближе к III в. н.э. курильницы начинают все чаще появляться и в захоронениях мужчин. Так, из перечисленных курильниц, 14 встречены в женских погребениях, 5 – в детских, 3 – в мужских (2 погребения ограблены в древности). Похожие тенденции прослеживаются также и на некрополе Кобякова городища.

Расположение курильниц в погребениях достаточно свободно. В среднесарматское время прослеживается закономерность постановки сосуда в северо-западный или северо-восточный угол могильной ямы, что всегда совпадало с положением ног умершего. Позднее размещение курильниц и других категорий культовой тары становится более хаотичным. В позднесарматское время, в одной из катакомб курильница также обнаружена к западу от стоп погребенной женщины (погребение № 640), но чаще, они располагались внутри камеры, ближе ко входу.

Что касается процесса создания, то можно выделить две противоположные тенденции: либо они сделаны тщательно с проработкой орнаментальных деталей, либо достаточно грубо и на скорую руку. Предположительно, они являлись частью погребальной индустрии, и их изготавливали специально к погребению²⁴. В основном, они сделаны из рыхлой глины с большим количеством вкраплений или шамота.

Интересно, что в Танаисе вплоть до середины III в. н.э. «доживают» куриль-

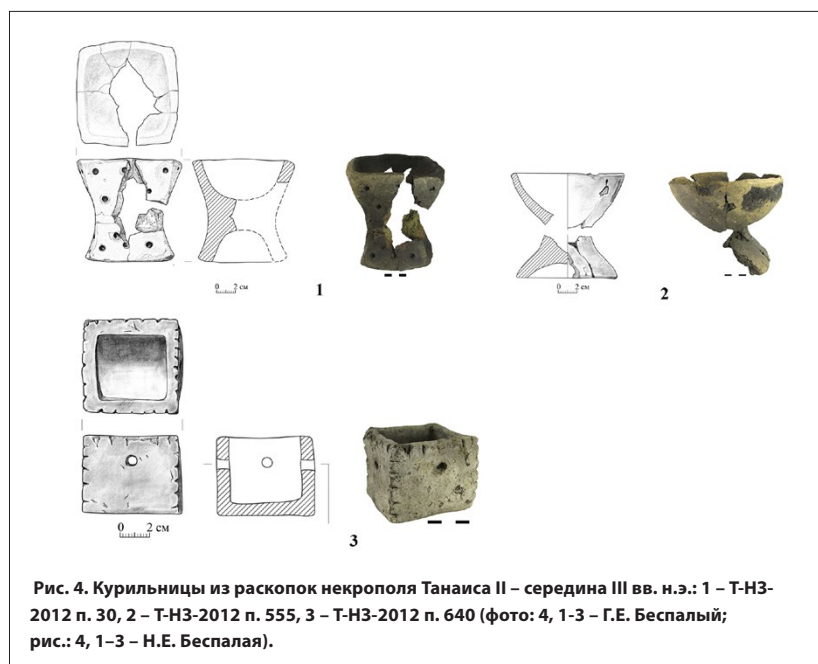

Рис. 4. Курильницы из раскопок некрополя Танаиса II – середина III вв. н.э.: 1 – Т-НЗ-2012 п. 30, 2 – Т-НЗ-2012 п. 555, 3 – Т-НЗ-2012 п. 640 (фото: 4, 1–3 – Г.Е. Беспалый; рис.: 4, 1–3 – Н.Е. Беспалая).

²² Беспалый 2016а, 37–41; Беспалый 2016б, 87–88, 143–145; Беспалый 2016в, 104; Беспалый 2016д, 96.; Беспалый 2016е, 79.

²³ Косяненко 2008, 218.

²⁴ Смирнов 1974, 167.

ницы среднесарматских форм²⁵. Для примера можно рассмотреть находку в подвале Г (культовый комплекс) середины II в. н.э., где в ходе раскопок 1955 г. были обнаружены 5 миниатюрных баночных курильниц с 2–3 сквозными отверстиями (рис. 5, 2–4)²⁶. Также в захоронениях середины II – первой половины III вв. н.э. встречаются массивные курильницы с рельефным орнаментом, характерные для более раннего периода (1969 г., погребение № 260) (рис. 5, 1)²⁷.

Таким образом, курильницы как категория инвентаря достаточно интересны для изучения Танаиса, поскольку здесь они являются ярким индикатором этнокультурного компонента в составе населения при рассмотрении их в контексте ономастики и погребального обряда²⁸. Возможно, они стали элементом слияния варварских культов и эллинистических религий, и люди, захороненные с ними являются носителями определенных традиций. На территории нижнедонских городищ курильницы также встречаются в довольно выразительных комплексах, позволяя маркировать представителей сарматской культуры. Так, ритуальные традиции кочевников становятся неотъемлемой частью погребального культа античного населения Северного Причерноморья и Нижнего Подонья.

Библиография

Архивные материалы

Арсеньева Т.М. 1992, *Альбом иллюстраций к отчету об исследованиях на городище Танаис и западном некрополе в 1992 г.*, Архив АМЗ «Танаис», АМЗТ НВФ 201/2, 56.

²⁵ Гугуев, Базилевич 2012, 160.

²⁶ Шелов 1956, 9–11; Арсеньева 1965, 186–187.

²⁷ Арсеньева 1977, 75, 78.

²⁸ Гугуев, Ильяшенко, Казакова 2000, 432–458.

Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М. 1996, *Отчет о спасательных работах на западном участке некрополя Танаиса*, Архив АМЗ «Танаис», АМЗТ НВФ 218.

Беспалый Г.Е. 2016а, *Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах)*, т. I (текстовая часть), Архив АМЗ «Танаис» б/н.

Беспалый Г.Е. 2016б, *Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах)*, т. II (текстовая часть), Архив АМЗ «Танаис» б/н.

Беспалый Г.Е. 2016в, *Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов*

инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах), т. VI (рис. 1–577) (погребения 1–64), Архив АМЗ «Танаис» б/н.

Беспалый Г.Е. 2016г, *Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах)*, т. VII (рис. 578–1207) (погребения 65–190), Архив АМЗ «Танаис» б/н.

Беспалый Г.Е. 2016д, *Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах)*, т. XI (рис. 3027–3651) (погребения 512–598), Архив АМЗ «Танаис» б/н.

Беспалый Г.Е. 2016е, *Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов ин-*

фраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах), т. XII (рис. 3027–3651) (погребения 512–598), Архив АМЗ «Танаис» б/н.

Беспалый Г.Е. 2016ж, *Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах)*, т. XIII (рис. 4309–4834) (погребения 680–737, объекты 1–50), Архив АМЗ «Танаис» б/н.

Ильюков Л.С. 1988, *Отчет об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 1987 г.*, Архив Арх. Лаб. РГУ. Ф.14; д. 1.

Шелов Д.Б. 1956, *Отчет о работе Нижне-Донской археологической экспедиции за 1955 г.*, Архив АМЗ «Танаис», АМЗТ НВФ 166/1.

Литература

Арсеньева Т.М. 1965, Лепная керамика Танаиса. I. Открытые соуды, в Д.Б. Шелов (ред.), *Древности Нижнего Дона*, МИА 127, Москва, 169–201.

Арсеньева Т.М. 1977, *Некрополь Танаиса*, Москва.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001, *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг.*, Москва.

Базилевич Л.О., Гугуев Ю.К. 2012, О средне- и позднесарматском компонентах в составе населения Танаиса в сер. II – первой половине III вв. н.э. по материалам лепных курильниц сарматских типов, в М.С. Гаджиев, Л.Б. Гмыря, Р.Г. Магомедов (ред.), *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, Махачкала, 23–28.04.2012 г.*, Махачкала, 159–161.

Безуглов С.И., Гугуев В.К. 1988, Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I – III вв. н.э.: структура и эволюция погребального обряда, в В.Е. Максименко (ред.), *Проблемы сарматской археологии и истории. Тезисы докладов конференции*, Азов, 19–20.

Глебов В.П. 2009, *Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э.*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.06 / Глебов Вячеслав Петрович; [Юж. федер. ун-т], Москва.

Глухов А.А. 2000, Глиняные курильницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона, *Донская археология* 2, 29–39.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011, *Некрополь Паниардиса (Крепостного городища)*, *Донские Древности* 11, Азов.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2008, *Раскопки могильника Крепостного городища в 1985 г. в г. Азове по ул. К. Либкнехта*, ИАИ-АНД 23, Азов, 309–311.

Гугуев В.К., Прохорова Т.А. 1992, Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника, *СА* 1, 142–161.

Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. 2000, О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе, в В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев (ред.), *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке*, Москва, 432–458.

Косяненко В.М. 2008, *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.)*, *Донские Древности* 9, Азов.

Максименко В.Е. 1998, *Сарматы на Дону*, *Донские древности* 6, Азов.

Мошкова М.Г. 1963, *Памятники прохоровской культуры*, САИ Д 1–10, Москва.

Прохорова Т.А. Гугуев В.К. 1988, *Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону*, *Известия Ростовского областного музея краеведения* 5, Ростов-на-Дону, 40–49.

Скрипкин А.С. 1990, *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*, Саратов.

Смирнов К.Ф. 1973, Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии, в Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин (ред.), *Кавказ и Восточная Европа в древности*, Москва, 166–179.

Список сокращений

ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

Sarmatian censers from the investigations of the necropolis of ancient Tanais 1st – mid. 3rd century AD

Abstract

The study of ritual vessels – burning cups or censers – in the context of funeral traditions allows to trace relations between the settled and nomadic population in the region of Lower Don. The analysis of funeral rite's allows us to understand importance of censers in the religious sphere of ancient life. We can interpret these vessels as an indicator of the ethno-cultural component of the Sarmatian community. The investigation covers two chronological periods: the 1st – beginning of the 2nd centuries AD; second half of the 2nd – middle of the 3rd centuries AD. In the first period there is wide variety of censers forms and shapes. We can see cylindrical with small holes (diagnostic form for this time) and paired vessels among them. They are found mostly in female and child graves. In the second period the quadrangular shape of the censers appeared that marked the period of the late Sarmatian culture. Findings of censers in graves prove that the ritual traditions of nomads become an integral part of the burial cult of the ancient population of the Northern Black Sea region.

Keywords:

Sarmatian culture, Lower Don region, funeral rite, censers, indicators of ethno-cultural community